

● 16 марта 1973 года. № 63 (1287). ●

ПОЭЗИЯ ЖИВОПИСНОГО ОБРАЗА

На соискание премии имени Салавата Юлаева

Редко на долю художника музыкального театра выпадает решение такой сложной тематической и идейной задачи, какую пришлось выполнять ветерану башкирского театрально-декорационного искусства Мухамеду Арсланову в 1972 году. Башкирский государственный театр оперы и балета, готовясь отметить 50-летие СССР, доверил ему оформление опер Загира Исмагилова «Волны Агидели» и казахского композитора Мухана Тулебаева «Биржан и Сара».

Мысль о красоте советской действительности, утвердившейся на берегах Агидели, стала главной в оформлении оперы Исмагилова. Локализация места действия оперы берегом реки определила путь решения задачи. Изъездивший в свое время все районы республики, Арсланов знает, как разнообразны берега Агидели в ее верховьях, в долине по ее течению. Поэтому многообразный, эмоционально насыщенный живописный облик башкирской красавицы-реки в органической связи с широкой напевностью замечательной музыки Исмагилова, проникнутой любовью к родной природе и людям, стал ключом к образному решению декорации в целом. Если в первой картине народного гуляния, проникнутой вечерним настроением, — окутанный бархатом зелени берег реки, роща тонкоствольных берез и написанный на живописном заднике холмистый дальний берег в розовато-синевато-сиреневой дымке вызывают ощущение теплоты, единства жизни природы и человека, устремленности, то во второй картине перед нами освещенный глинистый, обрывистый голый берег реки, когда возникает негативная тема

оперы: словно перед опустошенной душой героя отступает красота природного убора.

Так же контрастны во втором акте мажорная, красочная сцена коллективного труда на сенокосе (на берегу со сметанными копнами свежего сена и ярким солнцем) и надвигающийся драматический финал: гаснет солнце, тучи заволокли небо, раздражается гроза над рекой, над убитым горем отцом.

Трудность изобразительного решения оперы, где коллизия либретто захватывает еще бытующие в нашей жизни отрицательные явления, отлично преодолена Арслановым, решена глубоко по смыслу.

Гуманистическим пафосом определяется и оформление оперы «Биржан и Сара», рассказывающей о горьком прошлом казахского народа.

Монументальный по образному мышлению художник, не раз решавший в работе над оформлением оперных спектаклей трагическую тему, и здесь Арсланов создал декорации большого обобщенного художественного содержания. Любовно и внимательно познавая народное искусство и старинный быт казахского народа, вслушиваясь в исполненную песенных мотивов музыку Тулебаева, ее эмоционально-психологическое содержание, художник находит яркое колористическое решение эскизов. Выдержанное в красно-охристых тонах, оно несет в себе и ощущение раскаленного солнца над плоскогорьем и жар

человеческих страстей. Сложное образное решение проявляется себя, например, в начале второй картины: раннее утро, воздушная дымка, нежность пробуждения природы — Биржан в мыслях о возлюбленной Саре. Но вот мы замечаем багровый отсвет на юрте: предвестие жестокой расправы байских приспешников над дерзким певцом.

Художник учитывает, что в содержании оперы о драматической судьбе двух народных певцов переплелись легенда и историческая правда. Отсюда поэтическая ширь живописного образа в декорации, вбирающего в себя и изящные очертания памятника древней архитектуры, и скупое, с тонким вкусом введенные элементы народного орнамента в оформление юрты, в костюмы героев.

В то же время Арсланов понимает и выявляет в декорации социальную основу конфликта.

— Это не трагедия Ромео и Джульетты, где частные причины были основной розни между семьями, — говорит Мухамед Нурирахметович. — Трагическая судьба любви Биржана и Сары имеет социальные корни.

В печати уже неоднократно отмечалось активное, творческое отношение Арсланова к материалу. Декорации к опере «Биржан и Сара» — новое тому подтверждение. По либретто финал оперы представлял темницу с решеткой, где умирающий Биржан прощается с Сарой и родными. Это не удовлетворяло Арсланова ни конкретностью обстановки, ни

настроением обреченности. Художник преобразует финал, исходя из того, что Биржан — любимый народом певец, действительно существовал (о нем есть упоминание в книге Ауэзова «Абай»): в Казахстане сохранился даже надмогильный памятник ему.

И вот финал оперы: Биржан брошен в глубокое темное ущелье, прикован к камню. После завершающей сцены прощания, на глазах у зрителей исчезает мрачная стена ущелья: солнце заливают далеко простершиеся склоны, неизменно во всех картинах возникавших на дальнем плане двух гор с золотящимися вершинами, которые никогда не встретятся — символ судьбы Биржана и Сары. На первом же плане — памятник Биржану, к которому народ несет цветы. Так волею художника утверждается будущая победа народа в борьбе. Это пример творческой свободы в декорационном решении спектакля, основанной на знании предмета, а не произвол в отношении к материалу, что говорит о глубине реалистических принципов творчества такого эмоционального, романтически-возвышенного по характеру индивидуальности художника, как Арсланов.

Обобщенный рисунок в картине природы, быта, богатая горячая красочная гамма, тонкое, выразительное решение света, меняющегося в ходе действия оперы в трепетной связи с движением и развитием музыкального образа — все эти художественные качества говорят о том, что перед нами новое достижение башкирского театрально-декорационного искусства.

Г. ПИКУНОВА,
искусствовед.